

Таким образом, на обсуждение конференции может быть поставлен тезис о том, что в системе социального образования к традиционным культурам стыда и вины сейчас добавляется культура совести. И это не просто добавление, а «гештальт» традиционной для России систематизирующей части народного этоса. Гештальт, в смысле проявления того, что было всегда в традиционной русской культуре. И это должно войти в процесс социального образования и воспитания.

УДК 159.9

Карнышев А. Д.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

«СЫН ОТЕЧЕСТВА» КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ОРИЕНТИР ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИСТОРИИ РОССИИ И СИБИРИ¹

В словаре В. Даля термин *отечество*: а) родная земля, отчизна, где кто родился, вырос; б) корень, земля народа, к коему кто, по рождению, языку и вере принадлежит; в) государство в отношении к подданным своим; г) родина в обширном смысле. Теоретики педагогики XIX века писали, что английские и американские заведения имеют так называемый «дух»; это традиционная наследственная, нравственная сила, которая отпечатывает людей в известную патриотическую форму, и создает из молодого американца будущего чистокровного «Янки», а из молодого англичанина – «Джона Буля». В советское время грандиозная перестройка страны, продекларированная необходимость бороться с «врагами народа», предчувствие войны вновь поставили на повестку дня образовательных учреждений вопрос о формировании патриотизма, и с этим успешно стали справляться в первую очередь пионерская и комсомольская организации. Победа в Великой Отечественной войне подтвердила правильность выбранного курса. В современных исследованиях используется понятие *экономический патриотизм* – это различные формы поведения человека и группы (малой и большой) с выраженной экономической полезностью не только и не столько для самих субъектов, как для окружающих людей.

Ключевые слова: патриотизм, малая родина, нравственные качества, гражданские идеалы, самобытность Сибири, варианты патриотизма.

Karnyshev A. D.

Irkutsk State University, Irkutsk

«THE SON OF THE FATHERLAND» AS A SOCIAL LANDMARK OF EDUCATIONAL ACTIVITY IN THE HISTORY OF RUSSIA AND SIBERIA²

In the dictionary by V. dal, the term Fatherland: a) native land, homeland, where someone was born, grew up, and b) the root, the earth of the people to whom who by birth, language and belief belongs to; in) the state in relation to its subjects; g) the homeland in a broad sense. Theorists of pedagogy of the 19th century wrote that the English and American establishments have so-called «spirit»; it is a traditional hereditary moral force that imprints of people in famous Patriotic form, and creates from young American future full-blooded Yankees, and the young Englishman, «John bull». In Soviet times, the grandiose restructuring of the country, the declared need to fight the «enemies of the people», the premonition of war once again put on the agenda of educational institutions the question of the formation of patriotism, and this was successfully dealt with primarily by the pioneer and Komsomol organizations. Victory in the great Patriotic war confirmed the correctness of the chosen course. In modern research, the concept of economic patriotism is used-it is different forms of human and group behavior (small and large) with pronounced economic usefulness not only and not so much for the subjects themselves as for the surrounding people.

¹ Статья подготовлена на основе исследований по гранту РФФИ 18-013-00785 «Экономический патриотизм как объект междисциплинарных исследований в психологии и ресурсы его формирования у городской и сельской молодежи (на примере населения Восточной Сибири)

² The article is prepared on the basis of research on RFBR grant 18-013-00785 "Economic patriotism as an object of interdisciplinary research in psychology and resources of its formation in urban and rural youth (on the example of the population of Eastern Siberia).

Считается, что слово патриот, в смысле сын отечества «привез» из Франции в Россию Петр I. Но понятие прижилось, поскольку сильны были материальные и духовные корни в русской истории и русском языке. В словаре В. Даля термин *отечество*: а) родная земля, отчизна, где кто родился, вырос; б) корень, земля народа, к коему кто, по рождению, языку и вере принадлежит; в) государство в отношении к подданным своим; г) родина в обширном смысле. Экономически значимо то, что Даль говорит о существовании понятий «отчина», «вотчина» – недвижимое наследие от отца или деда. В то же время автор также приводит интересную деталь, связанную с рассматриваемой нами проблемой: *отчин* – сын отчизны своей, патриот. Вотчина, первоначально – *отчина*, собственно всякое достояние, переходящее от отца к детям, наследованная собственность. В установившемся издревле русском языке этим термином обозначается *отцовская земля* (*terra paterna*), причем параллельно с ним нередко употребляется другой однородный термин, – *дедина* (*terra aviatica*), ещё сильнее выражающий идею наследственности, иногда даже *прадедина*. Термины, отражающие в определенной мере степень родства, скорее всего, были не только категориями древнерусского государственного права, но и с давних времён демонстрировали определенное нравственно-психологическое отношение людей к земле своих предков, родителей: её ценность не только в хозяйственном значении, но и в связи с сохранением родословных связей и традиций. Отсюда вполне целесообразно говорить о патриотических аспектах тезауруса рассмотренных выше понятий.

Естественно, появление термина не могло не вызвать размышлений ученых мужей, хотя эти размышления были достаточно редки в 18-м веке. В частности, А. Радищев, отличающийся своими гражданскими и гуманными позициями, за которые попал в Сибирь, считал, что далеко не все в России достойны величественного наименования сына Отечества – патриота. Он написал в 1789 году статью «Беседа о том, что есть сын Отечества». В ней он определил основные черты, которые характеризуют человека именно такого предназначения. Первой из них он назвал то, что патриот «любит честь, без которой он как без души». Честь никак не может сочетаться с унижением, порабощением, насилием, лишением средств и способов наслаждения покоем и удовольствием. Вторая черта, по Радищеву, – это благонравие. В следовании ей патриот не страшится пожертвовать жизнью для процветания родины, а в своем служении ей стремится соблюдать законы естественные и отечественные и борется со всем, что может «запятнать чистоту и ослабить благонамеренность оных». В третьем «верном знаке» сын отечества отличается своим благородством, т.е. воспитанием в себе желаний и умения непрерывного благотворения роду человеческому, а преимущественно своим соотечественникам, «воздавая каждому по достоинству» [1, с. 380]. Надо сразу сказать, что приведенные ориентиры были для образования Сибири недостижимыми, учебных заведений по всему краю до 19-го века было мизерное количество. Правда, в 1991 г.

А. Радищев писал об Иркутске: «Тут имеется училище и, к моему удивлению, я встретил в нем учителей, довольно образованных для такого города» [2, с. 151]. Хотя, реальности больше соответствовала мысль Н. Ядринцева, высказанная им в конце 19-го века: «Жизнь Сибири до начала нынешнего столетия и даже долее – была жизнью невежественной и варварской в полном смысле слова» [7, с. 431].

В самой центральной России шло научное освоение образовательного процесса. Известный русский педагог XVIII века Н. Новиков, выделив «три главных части» воспитания – физическое (для тела), нравственное (для сердца) и разумное (для разума), одновременно утверждал, что все они подчиняются общему правилу: «Воспитывай детей своих счастливыми людьми и полезными гражданами» [1, с. 296]. Уже в то время деятели педагогики задумывались и об использовании иностранных ориентиров воспитания. Один из первых отечественных профессоров, директор гимназии при МГУ Н. Покровский, в 1759 году написал предисловие к переводу книги Д. Локка «О воспитании», где утверждал, что книга английского мыслителя может многим показать, «каким образом детей честных родителей предуготовлять в пользу отечества» [1, с. 133]. Кроме того, Н. Покровский доказывал, с одной стороны, что книгу Локка можно использовать в приложении к развитию детей хотя не всех, но многих разных народов, с другой стороны, утверждал, что хотя англичанин «рассуждает о воспитании детей знатного рода, однако же и не знатные могут теми же правилами пользоваться» [там же, с. 133,134].

Некоторое развитие система образования в Сибири получила, когда губернатором в Иркутской губернии был Н. Сперанский (1819 – 1821 гг.), но это был кратковременный сдвиг и в количестве училищ, и в содержании подготовки: «Он бессилён был создать и гражданские идеалы для этого общества, и поднять его ум. Для этого нужны были громадные образовательные средства» [7, с. 438]. Отсутствие финансов и организационных усилий почти в течение всего века обуславливало то, жизнь и развитие общества шло независимо от учебных учреждений. В таких условиях ориентирами гражданства и патриотичности были конкретные личности. Для Сибири этот фактор значительно поднял свой вес после прибытия сюда ссыльных декабристов. Высокое умственное развитие их, гуманизм и идеи защиты обездоленных, любовь к ближнему отразились на взаимодействующих с ними сибиряках самым благотворным образом:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.

В любом классовом обществе ориентиры патриота и гражданина чаще имели сословное содержание. К. Д. Ушинский отмечал, что в России длительное время основные ориентиры воспитания и образования разрабатывались преимущественно для дворянского сословия. В 1867 году в статье «О нравственном элементе в русском воспитании» он писал: «Мы выбрали

для нашей статьи воспитание дворянства не только потому, что с этим воспитанием знакомее, чем с воспитанием других классов, но и потому, что именно из этого класса выходит большая часть лиц, на нравственное достоинство которых *преимущественно* опирается наша государственная служба, наша литература и наше общественное образование» [5, с. 308]. Но в сибирской образовательной системе действовали иные, более демократичные, тенденции. «Граней между сибирскими сословиями было менее; жизнь с народом шла теснее; сибирское население составляет как бы одну народную массу, а потому все заимствования, всякие сведения, всякая мода доходят в нем быстро во все слои населения. Привычки сибирского населения, как замечено исследователями, ближе подходят к привычкам цивилизованного общества, чем во всех других местностях» [7, с. 440]. Таким образом, общественное мнение было более значимым проводником социальных новаций, чем учебные учреждения.

В то же время наличие критиков родины побуждал педагогов с тревогой относиться к реализуемым в стране воспитательным целям. В статье «О необходимости сделать русские школы русскими» К. Ушинский давал четкое различие ориентиров воспитания на Западе и в России: *«человек западный*, не только образованный, но даже полуобразованный, всегда, всего более и всего ближе знаком со своим отечеством: с родным ему языком, литературой, историей, географией, статистикой, политическими отношениями, финансовым положением и т. д., а *русский человек* всего менее знаком именно с тем, что всего к нему ближе: со своей родиной и всем, что к ней относится». Ушинский предлагает конкретные пути преодоления данного недостатка в организации образования: «нам не мешало бы занять вместо всех прочих одну черту из западного образования – черту уважения к своему отечеству; а мы ее-то, именно ее, единственно годную для заимствования во всей полноте, и пропустили. Не мешало бы нам занять ее не затем, чтоб быть иностранцами, а лишь затем, чтоб не быть ими посреди своей родины» [5, с. 56, 58]. Н. В. Шелгунов почти в то же время приводил в качестве примера следующий опыт: «Английские и американские заведения имеют так называемый «дух»; это традиционная наследственная, нравственная сила, которая впечатывает людей в известную патриотическую форму, и создает из молодого американца будущего чистокровного «Янки», а из молодого англичанина – «Джона Буля» [6, с. 50–51].

Более заметный рост образовательных учреждений в Сибири, в частности, в Иркутской губернии, пришелся на конец 19-го века. Так, если в 1881 году одна народная школа приходилась на 6368 душ населения, то к 1890 году эта цифра составляла 1410, т.е. в четыре с лишним раза меньше. Вместе с количественным ростом естественно осуществлялся и качественный. К этому времени увеличилась у образованной части общества тенденция «сибирского сепаратизма», в котором подчеркивалось значение любви к «малой родине», к «родному краю».

В советское время «классовый ориентир» образования не мог не претерпеть изменения в противоположную сторону от «сословного». Первый

нарком просвещения страны А. Луначарский в докладе «Народное образование в СССР в связи с реконструкцией народного хозяйства», прозвучавшем на профсоюзе работников СССР, отметил: «с точки зрения развития революции, которой нужны совершенно преданные специалисты, их легче всего почерпнуть из рабочей среды и мы должны позаботиться о пролетаризации высшей школы. А из этого надо делать выводы: под пролетаризацией средней и высшей школы надо понимать повышение процентного отношения пролетариата и снижение всех прочих» [4, с. 214–215]. В целом ориентированные на мировую победу пролетарского интернационализма коммунисты России сразу после Октября, особенно в 20-х годах XX века были против воспитания патриотов. Тот же Луначарский в статье «Философия школы и революция» (1923 г.) поддерживал педагога Ферстера, который считал, что «великим фирмам», будь то государства («великая Германия»), «великая Россия») или производственные корпорации обязательно нужен патриотизм, являющийся чувством, которое делает человека преданным фирме, дающей прибыли только немногим капиталистам и крупным чиновникам, которое делает его готовым поступиться личными интересами, семьей здоровьем, жизнью. «Патриотическое воспитание» в этом отношении имеет особое античеловеческое направление. ... Потому что тут «патриотизм» – муштра своих подданных независимо от их веры и национальности в угоду поддержания определенной разбойничьей фирмы, набравшей народу, сколько могла» [4, с. 127].

Исчезновение в 30-е годы XX века с международной политической сцены Третьего интернационала, грандиозная перестройка страны, продекларированная необходимость бороться с «врагами народа», предчувствие войны вновь поставили на повестку дня советских образовательных учреждений вопрос о формировании патриотизма, и с этим успешно стали справляться в первую очередь пионерская и комсомольская организации. Победа в Великой Отечественной войне подтвердила правильность выбранного курса. А до войны и, особенно после неё, началась практическая задача масштабного социально-экономического преобразования Сибири. Восточным регионам страны, как воздух стали необходимы мигрирующие и «доморощенные» патриоты разных национальностей. Десятки гидростанций, сотни фабрик и заводов, тысячи километров железных и автомобильных дорог, сотни вновь построенных больших и малых городов заострили задачи патриотического воспитания на разных уровнях вплоть до распада государства «дружбы народов».

Крушение коммунистической и социалистической идеологии, развал СССР на несколько национальных государств, каждое из которых стремилось придерживаться «своего» патриотизма, – все это в последнее десятилетие XX века значительно изменило отношение к ранее широко распространенной терминологии. Неоднозначно стало восприниматься данное понятие и в России. С подачи некоторых политиков постсоветского периода «патриотизм» и связанные с ним термины оказались не только размытыми, но и нередко наполненными негативным смыслом. В таких условиях

важны этнопсихологические условия, способствующие интеграции ориентиров формирования «сынов отечества» в их разноуровневых «вариантах»

В наших исследованиях мы обращаемся к понятию *экономический патриотизм* – это различные формы поведения человека и группы (малой и большой) с выраженной экономической полезностью не только и не столько для самих субъектов, как для окружающих людей. Можно добавить ещё нечто пафосное: *экономический патриотизм* – поведение, деятельность субъектов хозяйствования, торговли и потребления, обеспечивающие защиту реальных интересов не только человека, но и страны, региона, малой родины. При этом патриотическое поведение зачастую отличается не только своим энтузиазмом, но и определенной жертвенностью, способностью не жалеть свои силы ради дела. Патриот завода или корпорации, скорее всего, постарается ради «марки» и «бренда» своей организации, а с ними всей страны, мобилизовать все свои лучшие силы. Этот аспект в своём управлении чаще всего используют японцы. Патриотичными будут и поступки человека, который ограничивает свои запросы, понимая, что их последствия ухудшают экологическую обстановку на малой родине или в регионе. По нашему мнению, экономический патриотизм будет в чем-то по-разному проявляться у носителей разных экономических ролей – предпринимателя, производителя, потребителя и т. д.

Обращение к экономическому патриотизму в разных его вариантах, важно поскольку, с одной стороны, оно может быть измерено, а с другой, показано в своих иерархических уровнях, о многих из которых мы уже говорили в статье. Данные тенденции в территориальном и национальном в аспектах мы покажем на основе нашего исследования молодежи г. Иркутска и сельского района Иркутской области. Респондентам было предложено оценить уровни своей патриотической идентификации по десятибалльной шкале (10 – самая высокая оценка). Самооценка выявила иерархические уровни «патриотической идентификации» или отсутствие таковой (табл.).

Таблица

Самооценка патриотической идентичности в зависимости от национальности и места жительства респондентов

№ п/п	Варианты идентификации	Дифференциация по категориям					
		Город			Село		
		Русские	Буряты	Другие	Русские	Буряты	Другие
1	Патриот страны	7,68	7,49	6,73*	8,07*	7,49	7,47
2	Патриот малой родины	7,27	8,04*	6,57*	7,72	8,24*	7,83
3	Патриот родного края	7,14	7,56	6,12*	8,03	8,10	7,33*
4	Патриот байкальского края	6,70	6,95	5,10**	6,79	6,65	6,56
5	Патриот организации	5,36*	5,31*	5,32*	6,38	6,77	6,00
6	Патриот Земли в целом	4,74*	4,51*	5,60	5,95	5,52	5,67
7	Патриот материка	4,01	4,84	4,78	4,78	5,56*	3,56*
8	Девиз: «Где хорошо, там и родина»	3,26	3,23	4,04*	3,25	3,85	4,76*
9	Не признаю слова «патриот»	2,00	2,08	2,29	2,24	2,33	2,67*

Примечание: $p < 0,05^*$; $p < 0,01^{**}$

Данные таблицы преподносят материал для многочисленных рассуждений. Кратко остановимся лишь на двух из них. Во-первых, четко прослеживается, что представители аборигенного населения – и городские, и, особенно, сельские буряты – оценивают свой патриотизм по отношению к малой родине заметно выше, чем русские и представители других национальностей. Учитывая, что их предки проживали в Восточной Сибири с давних времён, этот нюанс вполне объясним. Во-вторых, выше оценки девиза «где хорошо, там и родина» у представителей других национальностей, и эту «мигрантскую» закономерность нельзя сбрасывать со счетов. Кстати, городские представители данной категории по сравнению с другими значительно меньше идентифицировали себя с патриотами Байкальского края.

Отметив, что многочисленные различия есть и по другим категориям опрошенных (мужчины – женщины; учащаяся и работающая молодежь и т. п.), обратимся всё же к данным, которые больше соответствуют целям нашей статьи. Для нас уровневые, этнокультурные и организационные варианты патриотизма значим по двум причинам. Во-первых, можно «математическим» путем различать разные пропорции патриотизма даже в одном человеке (больше патриот организации или региона, чем патриот страны), что имеет значение при общей оценке патриотичности человека и выборе путей её формирования. Во-вторых, в таком случае можно утверждать, что различные «хлесткие» выражения типа «патриотизм – прибежище подлеца», «патриотизм-это рабство» и т. п. – это лишь односторонние и достаточно узкие эпитеты каким-то проявлениям патриотизма, и верить в их универсальность проблематично.

Литература

1. Антология педагогической мысли России XVIII в. М. : Педагогика, 1985. 480 с.
2. История Иркутска XVII – XIX века. Иркутск: «Отгиск», 2015. 544 с.
3. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М. : Изд-во ИП РАН, 2017. 480 с.
4. Луначарский А. В. О воспитании и образовании. М. : Педагогика, 1976. 640 с.
5. Ушинский К. Д. Избранные педагогические произведения. М. : Просвещение, 1968. 557 с.
6. Шелгунов Н. В. Избранные педагогические сочинения. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1954. 403 с.
7. Ядринцев Н. М. История освоения Сибири. М. : Эксмо, 2013. 608 с.